Свечи в спальне горели ярко, так что написанное не вредило глазам. Но в это время профиль Ле Чжи оказался рядом с шеей Хуо Ду, и уголки его глаз отчетливо видели фигуру двоих, обнимающихся на земле...

Сердце свечи слегка колыхалось, и фигуры на земле колыхались вместе с ней, но неизменным оставалось положение этих двоих - они были близки и неразлучны.

Неброская улыбка на лице Ле Чжи слегка сгустилась, а его глаза были слегка удивленными, как будто он на мгновение растерялся.

Ладони на его талии разжались, и Хуо Ду обнял Ле Чжи за плечи, держась от нее на расстоянии: "Ты можешь сейчас написать что-нибудь еще?".

Ле Чжи серьезно посмотрела в пару цветущих персиковых глаз, пытаясь найти в них хоть какие-то эмоции...

Нет, там по-прежнему только безразличие и отчуждение, ничем не отличающееся от прошлого.

Ле Чжи облегченно вздохнул и улыбнулся.

К счастью, ее задумчивость сейчас была лишь иллюзией. Иногда Ле Чжи очень противоречива.

С одной стороны, она надеялась, что понравится Хуо Ду, чтобы не быть слишком сдержанной в поступках; с другой стороны, она боялась, что слишком понравится Хуо Ду, и это беспокоило ее больше, чем то, что она ему не понравится.

Хотя они долгое время не ладили, Кола Бранч уже почувствовала опасную ауру, исходящую от Хуо Ду. Более того, похоже, он умеет читать сердца людей, а его мысли дотошны, но спокойны.

Как мог Лежи не знать, что, провоцируя такого человека, можно легко сыграть с огнем, если не соблюдать осторожность.

Справедливости ради стоит отметить, что Хуо Ду был очень добр к ней. Чтобы она, как принцесса покоренной страны, могла достойно жить в Даци. Он даже позволил ей отомстить.

Ле Чжи подумала, что между ней и Хуо Ду они могут быть союзниками, которые используют друг друга, или соратниками с общей целью. Кроме этого, никаких других чувств быть не может.

Даже если Хуо Ду не участвовал в войне государства Ци за уничтожение государства Ли. Но с того дня, как армия Ци вошла в столицу царства Ли, между кланом Дали Ле и кланом Да Ци Хуо всегда была нерушимая стена.

Однако один кодекс есть один кодекс. С точки зрения справедливости, Ле Чжи была потрясена, осознав, что они с Хуо Ду чудесным образом похожи. Поэтому в качестве награды она решила помочь Хуо Ду занять трон.

Предпосылкой является то, что Хуо Ду не изменит свою гексаграмму и не помешает ей отомстить, в том числе убить своего отца... Хуо Чанъюнь.

Разве это сложно?

Кровь гуще воды, она действительно немного капризна.

Поэтому иногда Ле Чжи надеется, что Хуо Ду может быть простым и грубым, и взять от нее то, что ему нужно. Например, ее тело, например, использовать ее отношения с Хуо Сю, чтобы помочь ему получить выгоду...

Если так, то в будущем, когда они выступят друг против друга, ей будет не так стыдно.

Хуо Ду продолжал смотреть на ошарашенную Ле Чжи, но ничего не сказал ей.

--В глубине души он знал, что ее разум очень глубок. Правильно, если тот, кого предали, остается таким же наивным, как и раньше, то его называют глупым.

Свеча догорела до самого сердца, издав небольшой потрескивающий звук.

Ее глаза слегка задвигались, мысли Ле Чжи потянулись назад, она опустила глаза и тихо вздохнула.

Я действительно слишком много думаю, может, люди вообще относятся к ней как к гаджету! Зачем себя утруждать.

Увидев фигуру на земле, Ле Чжи снова подняла голову, выражение ее лица пришло в норму, и она кивнула головой. Она все еще сидела на коленях у Хуо Ду, медленно подошла к столу, записывая ручкой...

Через некоторое время она подняла бумагу и протянула ее Хуо Ду.

Хуо Ду протянул руку и неторопливо взял ее, небрежно просматривая содержание бумаги, это были пять слов...

Тени полны ветвей.

Он слегка усмехнулся и не стал специально подражать почерку Хуо Сюя. Вероятно, эти слова были написаны в ее обычной манере.

Почерк аккуратный и решительный, не то что слова обычных девушек, мягкие и нежные.

"Это?"

Ле Чжи моргнула и лукаво улыбнулась: "Благодаря Его Высочеству".

Услышав это, Хуо Ду взглянул на нее, и на его холодном белом лице появилось выражение отвращения.

Смысл не мог быть более очевидным -

Всего лишь эти несколько ломаных слов, ты стесняешься поблагодарить?

"Уважение - это легкость и ласка".

Хуо Ду слегка усмехнулся, он наклонился к ее уху и сказал с улыбкой: "Я не учился усердно в молодости, почему бы мне не попросить наследную принцессу прийти и рассказать мне, Дуинь полон ветвей, что это значит?"

После паузы он намеренно крепко сжал руку на талии Ле Чжи, чтобы приблизить ее к себе. Тонкие губы, казалось, слегка коснулись кончика ее уха, и он продолжил спрашивать: "Ветви

полны... как быть полным?".

Прохладное мятное дыхание пронеслось мимо его ушей, и щеки Ле Чжи начали краснеть...

Начни сначала!

Намеренно неправильно истолковал.

Ле Чжи знала, что он имел в виду, но не хотела каждый раз делать то, что он имел в виду. Она положила руки на плечи Хуо Ду, встала, взяла его ладони, положила их на свое сердце и тихо сказала: "Полный смысла, Его Высочество сейчас занимает все ветви сердца!"

Хуо Ду улыбался и слушал ее бредни, отгоняя тяжелое беспокойство, когда она отвлекалась только что, и всегда могла быстро вернуться к своему лицемерному виду. Он знал, что от начала и до конца, каждый раз, когда она намеренно подходила и пыталась, у нее была своя цель.

Без лишних слов, Хуо Ду просто отдернул ладонь и уставился в эти лисьи глаза, его лаковые веки потяжелели.

Взгляд Сюй Ши Хуо Ду было слишком сложно угадать. Когда Ле Чжи нервничала, рана на ее плече немного жгло, и она не могла не нахмуриться.

"Рана болит?"

Ле Чжи хмыкнула: "Немного..."

"Сядь и развались". Хуо Ду был беспомощен и пошел за запасной аптечкой в общежитии. Прежде чем он подкатил инвалидное кресло к развалу, Ле Чжи уже снял ботинки и носки, сел на развал, сознательно расстегнул три пуговицы на верхней части рубашки и стянул ткань на правом плече... ...

Увидев это, адамово яблоко Хуо Ду мягко покатилось.

"Ле Чжи, ты можешь написать слово "стыд"?

Ле Чжи надулся и в сердцах сказал: "Разве ты не хочешь, чтобы я доставил его к твоей двери?". Даже настоятельно. Эмоциональный. Медицина бесполезна. Есть ли разница, носить мне его или нет?

Конечно, она не осмелилась сказать это.

Хуо Ду посмотрел на нее и начал распутывать хлопчатобумажную ткань на ее ране и снова накладывать лекарство на повязку.

Закончив с этим, Хуо Ду отложил аптечку в сторону. Ле Чжи вдруг вспомнила о ране на плече, которую ей перевязали, когда она проснулась утром. Она подумала, что Хуо Ду не вернулся в дом прошлой ночью, вероятно, Цзин Синь помогла ей перевязать рану. Но только потом он понял, что метод перевязки был один и тот же. С тех пор как она получила травму, Хуо Ду лично заботился о ней.

"Это тоже было лекарство, которое Его Высочество дал мне вчера вечером?" неуверенно спросила Ле Чжи.

"Это не я." Хуо Ду даже не поднял веки, его инь и ян сердито сказали: "Это призрак?".

Ле Чжи разразился смехом, его тон был бодрым: "Я вижу, Ваше Высочество так заботится обо мне. Поскольку я был ранен, Ваше Высочество, должно быть, беспокоится? Я вижу, что лицо Его Высочества совсем осунулось".

Хуо Ду потерял дар речи, он обнял ее за плечи и заставил лечь, натянул одеяло, чтобы укутать ее: "Бредовое расстройство принца-наложника действительно ухудшается."

Закончив говорить, он поднял костыль из белого нефрита и приготовился положить его на аптечку, чтобы встать, но тонкая рука схватила его за рукав, и он повернулся, чтобы посмотреть на нее.

"Его Королевское Высочество, когда рана на моем плече заживет, мы..." Взгляд Ле Чжи был тверд, а глаза улыбались: "Давайте сделаем дом".

Боясь, что он может почувствовать нежелание, она добавила, "Я бы очень хотела".

Она видела, что Хуо Ду заинтересовался ею, но не знала, насколько сильно. Но она не хотела, чтобы все вышло за рамки ее ожиданий. Пусть Хуо Ду и не влюбится в нее, но что если? Если этот безумец действительно запал ей в душу, все будет слишком серьезно...

Говорят, что мужчины Даци любят новое и ненавидят старое, и относятся к женщинам, получив их, с отвращением. После консумации, вероятно, пройдет не так много времени, прежде чем они станут чистыми союзниками и будут держаться на безопасном расстоянии друг от друга".

Когда она закончила говорить, глаза Хуо Сюя горели, но он ничего не ответил. Через некоторое время он спросил: "Ле Чжи, сколько тебе лет?".

Ле Чжи была озадачена. Хуо Ду явно знал ее возраст, но она все равно послушно ответила: "Шестнадцать".

"Шестнадцать..." Хуо Ду рассмеялся, неодобрительно покачал головой, а затем повернулся, чтобы самостоятельно убрать аптечку.

Щеки Ле Чжи на некоторое время покраснели, а затем снова стали белыми, а глаза слегка покраснели. Она повернулась лицом к кровати и прикусила губу.

Это так неловко, что, похоже, ее снова отвергли.

Ладно, Хуо Ду, вероятно, просто считал ее очень интересной личностью и совсем не интересовался ее телом, так что все было в порядке.

Вскоре после этого Хуо Ду тоже рухнул на кровать. Смущение Фан Цай еще не прошло, и Ле Чжи решила повернуться к нему спиной и поспать так одну ночь.

Но одеяло на ее теле вдруг приподнялось, ее запястье схватили, и, слегка потянув, Хуо Ду обнял ее сзади. Затем она услышала, как он заговорил, его голос был немного хриплым.

"Действительно думаешь об этом?"